

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 27

2008 г.

Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций – Свидетельство ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.
Международным Центром ISSN (Париж) от 4 января 2003 г., печатный вариант – ISSN 1726-7080

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ «СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» Г.В. ЗАЛЕВСКОМУ 70 ЛЕТ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЮБИЛЯРА	6
К ЮБИЛЕЮ Г.В. ЗАЛЕВСКОГО	7
<i>Козлова Н.В.</i> РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ФИКСИРОВАННЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ Г.В. ЗАЛЕВСКОГО	11

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Сафин В.Ф., Нурлыгаянов И.Н.</i> СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ПРИ РАЗНЫХ ТИПАХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ	18
<i>Мещерякова Э.И.</i> ПСИХОСЕМИОТИКА ПУТИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОВОДНИКА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА	24
<i>Богомаз С.А., Левицкая Т.Е.</i> ПРЕДПОЧТЕНИЯ В ВЫБОРЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ЛИЦ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ГИБКОСТИ	31
<i>Портиева А.Г.</i> ЛИЧНОСТНАЯ ЗРЕЛОСТЬ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ	37
<i>Иванов М.С.</i> УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ САМОРЕАЛИЗАЦИЕЙ И ЕЕ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТЬЮ ДОСТИЖЕНИЙ	42

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Доценко Е.Л.</i> АРХАИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ	46
<i>Вершинина Н.С., Мирицкая Е.А., Муравьева О.И.</i> СОЗНАТЕЛЬНЫЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ	54
<i>Курбацкая Т.Б.</i> МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ РЕКЛАМЫ	60
<i>Екимова В.И., Филиппова С.А.</i> ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	64

КЛИНИЧЕСКАЯ (МЕДИЦИНСКАЯ) ПСИХОЛОГИЯ

<i>Вассерман Л.И., Трифонова Е.А., Федорова В.Л.</i> ВНУТРЕННЯЯ КАРТИНА БОЛЕЗНИ В СТРУКТУРЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ У БОЛЬНЫХ С СОМАТИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИЕЙ	67
<i>Чикова О.М., Фоминых Е.В.</i> ДИАГНОСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО «ВЫГОРАНИЯ» ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ БАЗОВОГО ВУЗА, РАБОТАЮЩИХ В ФИЛИАЛАХ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ	72
<i>Екипцев В.И., Замарёхина И.В.</i> КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЛИЧНОСТИ ХИМИЧЕСКИ ЗАВИСИМОГО	77
<i>Долганов Д.Н.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ЛИЧНОСТНЫХ КОНСТРУКТОВ ПРИ АДДИКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ	83

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Залевский Г.В., Козлова Н.В.</i> МОТИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ	89
<i>Андреева О.С., Зарубко Е.Ю.</i> АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ	96
<i>Тропотяга П.А.</i> ЛОКУС КОНТРОЛЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К БУДУЩЕМУ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ	102
<i>Хакимова Н.Р.</i> МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К СМЕНЕ ПРОФЕССИИ	107

В ПОМОЩЬ ПСИХОЛОГУ: ИССЛЕДОВАТЕЛЮ И ПРАКТИКУ

<i>Кузьмина Ю.В.</i> ПРОГРАММА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ БИОПСИХОСОЦИОНОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ БЕРЕМЕННОСТИ	113
<i>Петрова В.Н.</i> ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ОРИГИНАЛЬНОГО ОПРОСНИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ДЖ. ГОЛЛАНДА ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ	115

ИНФОРМАЦИЯ

Наши авторы	121
Правила оформления материалов для публикации в «Сибирском психологическом журнале»	123

CONTENTS

THE EDITOR-IN-CHIEF OF SIBERIAN PSYCHOLOGICAL MAGAZINE GENRIH VLADISLAVOVICH ZALEVSKY IS 70 YEARS OLD: TRAITS TO PICTURE OF CELEBRATING HIS JUBILEE	6
FOR ANNIVERSARY OF GENRIH VLADISLAVOVICH ZALEVSKY	7
<i>Kozlova N.V.</i> DEVELOPMENT OF THE G.V. ZALEVSKIY'S THEORY OF THE FIXED FORMS OF BEHAVIOR	11

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

<i>Safin V.F., Nurlygayanov I.N.</i> THE STRUCTURE AND CONTENTS OF THE VALUE AND SENSE SYSTEM FIELD WITHIN DIFFERENT TYPES OF SELF-DETERMINATION	18
<i>Meshcheryakova E.I.</i> COMMUNICATIVE ASPECTS OF ACTIVITY OF A CONDUCTOR OF A RAILWAY TRANSPORTATION: PSYCHOSEMIOTIC OF WAY	24
<i>Bogomaz S.A., Levitskay T.E.</i> PREFERENCE IN CHOICE OF THE COPING-STRATEGIES FOR THE PERSONS	31
<i>Portnova A.G.</i> PERSONAL MATURITY: THE APPROACHES TO DEFINITION	37
<i>Ivanov M.S.</i> SELF-REALIZATION SATISFACTION AND ITS DETERMINATION BY SOCIAL SIGNIFICANCE OF ACHIEVEMENTS	42

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Dotsenko E.L.</i> ARCHAICAL SEMANTIC IN INTERPERSONAL COMMUNICATION	46
<i>Vershinina N.S., Miritskaja E.A., Muravjeva O.I.</i> ONSCIOUS AND UNCONSCIOUS COMPONENTS OF THE POLITICAL	54
<i>Kurbatskaya T.B.</i> TECHNIQUE OF CARRYING OUT OF PSYCHOLOGICAL EXAMINATION OF ILLUSTRATIVE ADVERTISING	60
<i>Ekimova V.I., Filippova S.A.</i> GENDER DIFFERENCES: SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS	64

CLINICAL (MEDICAL) PSYCHOLOGY

<i>Wasserman L.I., Trifonova E.A., Fedorova V.L.</i> PERSONAL DISEASE PICTURE IN QUALITY OF LIFE STRUCTURE IN INDIVIDUALS WITH PHYSICAL ILLNESSES	67
<i>Chickova O.M., Fominykh E.V.</i> THE DIAGNOSING OF PROFESSIONAL «BURNING OUT» OF MAIN HIGHER INSTITUTION LECTURERS, WORKING AT NORTHERN SUBSIDIARIES	72
<i>Ekintsev V.I., Zamarehina I.V.</i> THE COMMUNICATION APPROACH TO THE RESEARCH OF A CHEMICALLY DEPENDENT PERSON	77
<i>Dolganov D.N.</i> THE CHARACTERISTIC OF SYSTEM PERSONAL CONSTRUCTS AT ADDICTIVE BEHAVIORS	83

PSYCHOLOGY OF EDUCATION

<i>Zalevsky G.V., Kozlova N.V.</i> MOTIVATIONAL SPECIAL FEATURES OF THE PERSONAL-PROFESSIONAL MAKING	89
<i>Andreeva O.S., Zarubko E.Y.</i> HE ARCHETYPICAL ELEMENTS IN THE PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS OF THE PSYCHOLOGICAL FACULTY STUDENTS	96

<i>Tropotyaga P.A.</i> LOCUS OF THE CONTROL AND THE EMOTIONAL RELATION TO THE FUTURE AS PSYCHOLOGICAL PRECONDITIONS OF PROFESSIONAL FORMATION OF THE PERSON	102
<i>Khakimova N.R.</i> MODEL OF DIAGNOSTIC PSYCHOLOGICAL READINESS'S FOR PROESSION RE-CHOIS	107

FOR PSYCHOLOGIST HELPING: RESEARCHERS AND PRACTITIONERS

<i>Kuzmina Y.V.</i> THE PROGRAM OF PSYCHOLOGICAL SUPERVISION OF THE PRAGNANT WOMEN ON THE CONTEXT OF BIOPSYCHOSOCIONOETIC MODEL OF PRAGNANCY	113
<i>Petrova V.N.</i> THE USING POSSIBILITY OF ORIGINAL J. HOLLANS'D'S PROFESSIONAL PREFERENCES INVENTORY	115

INFORMATION

Our avtors	121
Rules of registration of materials in SPM	123

СОЗНАТЕЛЬНЫЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Н.С. Вершинина, Е.А. Мирицкая, О.И. Муравьева (Томск)

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования, целью которого было выявление сознательных и бессознательных компонентов образа политической власти на основе таких параметров, как оценка, сила, содержание образа власти, дистантность, динамические характеристики. Полученные данные позволяют говорить о расщепленности, дисгармоничности, незрелости политического сознания, что выражается в противоречивости, размытости образа власти и несовпадении сознательного и бессознательного образа политической власти.

Ключевые слова: сознательный и бессознательный образ политической власти, персонификация, мифологизация, установка на патернализм.

Восприятие политической власти является сложнейшим процессом, в значительной степени определяющим взаимоотношения политической системы и личности. Нельзя сказать, что эта предметная область является принципиально новой для научных исследований: в той или иной мере ее изучением занимались еще Б. Рассел, Ф. Ницше, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев. В XX в. в отечественной науке эта проблема практически не поднималась в силу прежде всего идеологических причин, тогда как за рубежом она продолжала активно исследоваться (Дж.А. Алмонд, С. Верба, Л. Пай, Д. Мацумото и др.). Социально-экономические и политические реформы, происходящие в нашей стране в последние 20–25 лет, и вследствие этого активизация политического сознания наших граждан сделали эту проблему особенно актуальной и для современных отечественных исследований (Д. Гаджиев, Л.Я. Гозман, Г.Г. Дилигенский, Н.М. Лебедева, Д.В. Ольшанский, В.В. Радаев, Е.Б. Шестопал, Н.Г. Щербинина и др.).

Данное исследование посвящено выявлению сознательных и неосознаваемых компонентов образа политической власти, так как и те и другие влияют на электоральный выбор граждан, на поддержку власти между выборами и в целом на формирование гражданского общества. Исследование носит выраженный эмпирический характер, использованные методы сбора первичной информации были разработаны в различных методологических и теоретических подходах, анализ же и интерпретация полученных данных проводились в рамках психосемантического подхода.

В контексте политической психологии понятие образа власти используется в качестве обозначения результата процесса восприятия и социального познания такого элемента социального мира, как политическая власть. Образы власти отличает, с одной стороны, изменчивость, связанная и с индивидуальными действиями политиков, с колебаниями общественного мнения и т.д. С другой стороны, глубинные пласты образов отличает известная устойчивость, так как эти пласты, как правило неосознаваемые людьми, питаются из резервуара коллективных представлений [9]. С точки зрения А.Л. Доброхото-

ва, «образы политической власти имеют в качестве своей психологической основы неполитический опыт, полученный в семье, в общении со сверстниками и старшими в школе и с другими институтами политической социализации» [2. С. 176]. Думается, что здесь речь идет о становлении именно бессознательного образа власти.

Исследование проводилось в Томске в 2006 г. Выборка состояла из 35 человек (12 женщин, 23 мужчины) в возрасте от 19 до 51 года.

Для выявления бессознательных компонентов образа политической власти респондентов в данном исследовании были использованы следующие методики: проективная методика «Психологический рисунок: Образ власти в современной России», модифицированная методика ЦТО (тест А.Н. Лутошкина). Ценность проективных методик заключается в том, что они вскрывают уровень иррациональных проявлений, нелогичного поведения и неосознаваемых отношений [8]. Для выявления осознаваемого образа политической власти был применен метод полуструктурированной беседы.

Обработка полученных данных проводилась при помощи контент-анализа, для которого была сформулирована «категориальная сетка» на основе психосемантической модели Ч. Осгуда [10], психосемантической модели В.Ф. Петренко [5], шкалы оценки образа политической власти, предложенной С.В. Нестеровой [3], модели, используемой в методике «Отношение к власти» Е.П. Белинской и О.А. Тихомандрицкой [1]. Всего для анализа нами было выделено пять основных категорий:

- Оценка (привлекательность/непривлекательность, позитивное/негативное отношение, значимость/незначимость).
- Сила (сила/слабость, устойчивость/неустойчивость).
- Содержание образа власти (простота/сложность, преобладание когнитивного/эмоционального компонента, функционализм/персонификация).
- Динамические характеристики (заинтересованность/незаинтересованность, активность/пассивность, динамичность/статичность, агрессивность/неагрессивность).

– Дистантность (наличие/отсутствие субъекта и объекта власти, дистанцированность/близость субъекта и объекта власти).

Вначале рассмотрим, как *оценивают* наши испытуемые современную политическую власть в России. Результаты исследования показали, что бессознательный образ власти респондентов является либо непривлекательным (13 респондентов), либо нейтральным (13), доля привлекательных изображений власти оказалась несколько меньше (9). Негативное отношение к власти опрошенных подчеркивалось частым использованием черного цвета в качестве основного, который согласно методике ЦТО свидетельствует о замкнутости, эгоистичности, независимости, враждебности существующей политической власти в глазах респондентов. Тем не менее такое непозитивное отношение сопровождается высокой заинтересованностью в таком социальном феномене, как власть, большинства испытуемых, участвовавших в исследовании (22), власть в жизни большинства опрошенных (19 респондентов) играет значительную роль. Некоторые испытуемые (5) открыто указывают на необходимость власти и невозможность существования без нее («без власти было бы плохо», «без власти нельзя»).

Необходимость отнести собранные в процессе беседы ответы строго к позитивному или негативному полюсам эмоциональных оценок скрадывает всю гамму чувств, которая с точки зрения интенсивности выражаемых респондентами эмоций на самом деле значительно больше дифференцирована как в положительную, так и в отрицательную сторону. Шестнадцать респондентов, высказывая свое негативное отношение, ответили, что существующая власть их не устраивает («власть меня в нашей стране не устраивает», «сволочи они все!», «у меня к власти негативное отношение, я им не верю!»).

Некоторые сложности возникали при определении места относительно нейтральных и даже «холодных» оценок реальной власти, таких как «терпимо», «жить можно», «нет однозначного к ней отношения, ни плохого, ни хорошего», «нет у меня к власти никакого отношения, я их не трогаю, они меня не трогают, вот и все, в общем-то», «политика как таковая меня не интересует» и т.д. Кроме того, ряд ответов содержит амбивалентные чувства, положительное и отрицательное отношение, из которых ни одному не отдается предпочтения («не сказал бы, что я люблю эту власть, но без власти нельзя», «нормально, пойдёт, без проблем тоже жить плохо», «не могу сказать, что презираю, не уважаю власть, что она плохая, но не могу сказать и то, что мы заслуживаем ту власть, которую имеем»).

Как сознательный, так и бессознательный образ власти отражает отсутствие единой, однозначной

оценки политической власти, при этом нельзя не отметить, что примерно половина ответов свидетельствует о явном негативном отношении к власти, ее непривлекательности для респондентов.

Относительно *силы* власти обнаружилось противоречия между сознательным и бессознательным образом власти. Вербальные характеристики политической власти (которые относятся к области осознаваемого содержания) указывают на ее силу: ее возможность влиять на жизнь людей, распределять ресурсы в стране, оказывать давление, но при этом область приложения силы власть имущих является не благосостояние народа и страны в целом, а деятельность по присвоению «результатов народного труда». Но, как оказалось, значительная часть наших респондентов в рисунках (которые позволяют выявить бессознательное содержание) изображают власть слабой (13 респондентов) или сила недостаточно выражена (6). При этом часто в рисунках отражается видимая сила власти, ее попытка выглядеть гораздо мощнее, чем есть на самом деле, но о ее слабости часто свидетельствуют такие детали, как неустойчивость основы (маленькие, худые и короткие ноги и руки, непропорциональность частей тела), отсутствие какой-либо опоры, шаткие и неровные стены. Слабость власти также подчеркивается частым использованием в рисунках серого цвета, который соответствует таким характеристикам оцениваемого объекта по методике ЦТО, как нерешительность, вялость, неуверенность, несамостоятельность, слабость и пассивность.

Практически невозможно оказалось сформулировать четкий, обобщенный, единый для всех респондентов портрет власти, так как их высказывания и рисунки разнообразны, неконкретны и нередко противоречивы, даже если принадлежат одному и тому же испытуемому. Это еще раз подтверждает неоднозначность образа власти в ментальности граждан.

Бессознательный образ власти ряда респондентов связан с достаточно простыми символами: власть ассоциируется с деньгами (причем однозначно с долларами), флагами, красной звездой, зданиями (Кремль), силой (выраженной в наличии на рисунках оружия) и даже с нефтяными и газовыми скважинами, но рисунков, содержащих только вышеуказанные стереотипные образы-символы, было всего 4 (что подтверждает результаты исследования С.В. Нестеровой [3]). Остальные изображения, оцененные нами как простые, были достаточно неоднозначны, как и сложные рисунки, которых в нашем исследовании оказалось немного больше (14 к 17 соответственно). Это говорит о том, что власть в глазах людей представляется сложной конструкцией с различными основаниями.

Результаты анализа и интерпретации рисунков позволяют сделать вывод, что *эмоциональный* компо-

нент образа власти преобладает над *когнитивным*, рациональным. Число изображений, отражающих власть как систему взаимодействия различных политических институтов, невелико (2 респондента). В ряде случаев власть изображается в виде какого-то неконкретного и непонятного либо мифологического существа (черт или дьявол) – 9 респондентов. Нами был выделен двадцать один рисунок, где присутствовал субъект власти, и четырнадцать, где последний отсутствовал. Но при более глубоком анализе мы выяснили, что относительно конкретный субъект (человек, которого респонденты называли президентом или В.В. Путиным) был изображен лишь на пяти рисунках. Большинство же опрошенных воспринимают власть как нечеткую, абстрактную, размытую и неопределенную. Более трети респондентов бессознательно склонны персонифицировать политическую власть, при этом чаще они мифологизируют ее.

Однако общий анализ всех текстов показал, что часто под властью граждане понимают не только и не столько представителей исполнительной и законодательной властей, партий, государственных институтов, конкретных персоналий, включая оппозицию, сколько что-то неопределенное, недоступное, находящееся где-то «наверху» или «по ту сторону». В представлении среднего респондента власть – это практически всегда «они», «она» либо «люди, стоящие у власти» (общая частота упоминания респондентами местоимения в третьем лице в отношении власти равна 213, в высказываниях 28 опрошенных обобщающие слова употреблялись не менее 7 раз). Крайне редко, говоря о власти, респонденты упоминают президента, губернатора, мэра, Думу, а также конкретных политиков, таких как Путин, Макаров, Кресс, Чубайс, Черномырдин, Ельцин (4 респондента). Можно сказать, что для высказываний наших респондентов оказалась нехарактерной такая черта, как персонификация власти. Более того, ряд респондентов отмечают, что власть – это не то, что кажется, а некоторая непонятная сила, неизвестно кто, люди, стоящие за кадром. Это отчасти показывает закрытый и теневой характер власти, что может быть связано с нехваткой информации о том, что представляет собой нынешняя власть, но скорее всего это свидетельство непрозрачности политической системы в целом. Сознательный образ власти большинства наших респондентов лишен субъектности: не ясно, чья это власть, власть кого. В целом можно говорить о том, что представления о власти носят неконкретный и даже мифологический характер.

Было также обнаружено, что содержание сознательного и бессознательного образа ассоциируется, связывается или отождествляется с финансами, криминальными структурами и олигархами. Часто в текстах встречаются такие определения для власти, как

«коррупцированная», «коррупция», «деньги», «воровство», «куплена» и т.д. (49 раз, в работах 19 опрошенных не менее 3 упоминаний). Начиная говорить о власти, большая часть респондентов связывала власть с коррупцией и деньгами: «Все в государстве, власть зиждется на деньгах»; «Власть можно еще представить как закрытый сундук с деньгами»; «Власть коррупцирована на 99%». Здесь стоит отметить, что испытуемые нередко разделяют власть на высшую, к которой относят президента и центральную кремлевскую власть, и низшую, имея в виду мэра и местные органы власти. При этом отмечается, что куплена и высшая, и низшая власть, но последняя ближе к народу, пытается для него что-то делать, и существует больше возможностей для контактов с ней.

Как уже отмечалось выше, испытуемые в своих суждениях ставят рядом властные структуры и олигархов: «Власть или куплена олигархами, или ими управляется – это бесспорно»; «Олигархи поддерживают президента»; «... Политики с деньгами – это уже олигархи». При этом часто делается акцент на том, что олигархи и власть грабят народ, лишая его возможности пользоваться ресурсами страны, которые он добывает («Олигархи все наше берут»; «Все изобилие идет олигархам и власти, а создает это изобилие народ»; «Народ держит все на своих спинах»).

Власть и закон также связаны в представлении респондентов. Однако при этом испытуемые отмечают, что «власть не обеспечивает закон, не гарантирует его», создаваемые властью законы «существуют словно в двух экземплярах: для себя и для народа», т.е. респондентам наше законодательство представляется далеко не совершенным, что также отражается в противоречивости и амбивалентности позиции испытуемых. Это выражается в высказываниях подобного типа: «Я – законопослушный человек, мне это нравится, я не могу на власть обижаться, но я не полностью с ней согласен. Закон нарушать нельзя, какой бы он ни был – нельзя его нарушать. Но мы его нарушаем на каждом шагу, потому что такой закон неправильный».

При рассмотрении *динамических* характеристик бессознательного образа политической власти было обнаружено, что для большей части испытуемых (23) власть предстает как пассивная, нединамичная, т.е. статичная. Если власть изображается динамичной или подчеркивается ее процессуальность, то это действие по достижению и приобретению различных благ и ресурсов страны за счет населения. У большинства респондентов власть ассоциируется с агрессивностью, это встречается в рисунках восемнадцати из опрошенных и выражается в наличии клыков, рогов, острых углов, агрессивного выражения лица, оружия. Часть испытуемых не указала на явно агрессивный характер власти.

Относительно действий власти респонденты указывают на то, что либо она не делает того, чем должна заниматься, либо, если что-то делает, то мало или только хуже: «делает хуже народу», «они только разговаривают, но ничего не делают», «власть своими делами не занимается». Говоря о деятельности власти, испытуемые отмечают, что масштабные действия власти неэффективны, в отличие от мелких действий, вроде украшения города, либо в некоторой мере эффективной может быть только какая-то отдельная ветвь власти («все действия не эффективны, а скорее дефективны», «эффективные даже назвать не могу», «неверно, неэффективно действуют»). То есть сознательно респонденты приписывают власти такие характеристики, как активность и деятельность, но при этом отсутствует продуктивность и положительный результат этих действий для граждан, страны в целом. Встречаются такие определения, как «агрессивная», «тупая» («тупая, люди перестали власть бояться»), «неадекватная», «давит народ» и т.д. При всем наборе негативных характеристик власти встречаются и положительные высказывания: «Сейчас мы идем в гору, сейчас власть сильнее становится»; «Есть и плюсы: свобода у каждого появилась... выбор появился»; «Вообще власть как власть, Путин вроде бы нормальный»; «... Сам президент... очень умный», однако их число невелико (6 респондентов).

Часть опрошенных не может разобраться, происходит ли ухудшение или улучшение власти, для них характерны такие высказывания в адрес нынешней власти, как «неизвестность», «серое безнадежное пространство», «не понимаю». Среди ответов о существующей власти нередко встречаются неопределенности: «вроде что-то меняется», «вроде продвигаемся вперед», «где-то что-то делается», «некоторый подъем» «пока оправдывает надежды» и т.п.

В ходе бесед с нашими респондентами была выявлена их установка на патернализм по отношению к политической власти. Политический патернализм (как установку) рассматривают как ожидание опеки со стороны государственных структур и политических деятелей [4]. Это выражается в том, что, говоря о функциях власти, респонденты скорее предъявляют ей свои требования, свои ожидания, которые формируются с позиции того, чего не хватает им в настоящее время. Фактически в сознании наших респондентов функции власти представляют собой экстраполяцию их собственных актуальных потребностей. Эти ожидания не структурированы и четко не дифференцированы, выражены в терминах категорий долженствования. На наш взгляд, это позволяет констатировать у граждан наличие потребности в патернализме, опеке, в перекладывании ответственности за свою жизнь на государство, что, несомненно, сказывается на восприя-

тии ими власти. Кроме того, необходимо отметить, что для наших испытуемых оказалось нехарактерным принятие на себя ответственности, когда речь заходит об отношениях с властью, о чём может свидетельствовать низкая частота упоминаний местоимений первого лица, таких как «я», «мне», «моё» и др., по сравнению с частыми упоминаниями обобщающих слов: «народ», «мы», «люди», «человек», «наше», «нам» и др. При этом вышеуказанные результаты могут свидетельствовать о том, что респонденты помещают власть и себя, как часть власти неимущих, на противоположные полюса.

Как правило, испытуемые говорят, что власть должна обеспечить нормальную достойную жизнь, выдавать зарплату, дать возможность трудоустройства всем желающим, обеспечить безопасность и защиту всего населения, создать единые для всех и исполняемые всеми законы («...должна дать денег народу, это решит многие проблемы», «власть должна издать нормальный закон», «...должна исполнять эти законы»). Некоторые респонденты не могут назвать конкретных функций власти («не вижу особых функций у власти»), и лишь незначительная часть испытуемых (7) отмечает, что и у людей также есть определённый круг обязанностей, но не указывается, каких именно («власть должна обеспечивать права людям взамен на обязанности, человек тоже многое должен делать для государства»).

На наш взгляд, важным представляется рассмотрение параметра *дистантности* между субъектом и объектом власти. На рисунках десяти испытуемых особо подчеркивается дистанцированность власти имущих от тех, кто этой властью не обладает, шесть респондентов указали на близость власти, но при этом подразумевается однонаправленность воздействия, угнетение с ее стороны и отсутствие обратной связи. У большинства наших респондентов (22) на рисунках не изображен объект власти. Но на двух из них надписью («народ», «все остальные») обозначено положение объекта власти. По сравнению с субъектами, олицетворяющими власть, образы простых людей на несколько порядков меньше. Наши граждане считают, что власть отчуждена от интересов обычных людей, живет собственной жизнью. Тот факт, что объект власти на рисунках не изображен, также, на наш взгляд, может свидетельствовать об отделенности, отдаленности и оторванности властных структур от населения страны. На десяти рисунках показано сильное разделение власти и народа с помощью непроходимых стен и заборов, роль обычных людей сведена либо к выполнению функциональных задач власти, либо к массовке, которая поддерживает властные структуры.

В высказываниях респондентов также прослеживается явное указание на дистанцированность субъекта и объекта власти. Несмотря на то, что небольшое чис-

ло (5) респондентов отмечает, что обратная связь власти с народом существует, например на выборах, что существует какая-то возможность донести информацию до власти (в том числе посредством народных выступлений и забастовок), большинство испытуемых указывают на то, что дистанция между властью и народом очень велика, власть находится наверху, народ внизу. Власть народ не видит, не слышит и мало им интересуется («власть далеко от народа», «до людей дела никакого нет», «власть не контролируется народом»). Кроме того, семь респондентов из числа опрошенных отмечают, что в принципе существует возможность влияния на власть со стороны народа, в основном путём выборов, хотя «это не так просто», большая часть испытуемых считает, что такой возможности они лишены.

Оценки существующей власти имеет смысл соотносить с тем, какой власть, по мнению опрошенных, должна быть. Не удивительно, что в образе *идеальной власти* нет особой четкости и высок уровень абстрактности представлений, что в очередной раз свидетельствует о недифференцированности образа политической власти. Небольшое число респондентов (5) чётко называют характеристики идеальной власти по определению («толерантная, демократическая, не обогащённая большим государственным аппаратом, конституционная», «в идеале власть должна быть демократической»), подавляющая часть опрошенных затрудняется назвать конкретные характеристики идеальной власти, приводя либо общие гуманистические неоперационализованные требования, либо указывая, что при адекватном выполнении вышеназванных функций власть будет идеальной («В идеале, власть должна заботиться о тех, кто её кормит»; «Идеальная власть предполагает наличие взаимоотношений между чиновниками и людьми, взаимопонимания: все люди братья, гармония и все такое»). Значительное число испытуемых (17) отмечает, что идеальной власти быть не может, это невозможно («Власть не может быть идеальной, это даже представить нельзя, она по определению не идеальна»; «Идеальной власти в России никогда не будет»; «Идеальной власти нет, люди – не совершенство»).

Таким образом, проведенное исследование позволило обнаружить как сходство, так и различия, расхождения между сознательным и бессознательным образом политической власти. В целом как сознательная, так и неосознаваемая оценка и отношение к власти респондентов имеют либо негативный, либо нейтральный характер. Однако власть представляет для большинства респондентов интерес и достаточно значима для них: эмоциональный компонент восприятия власти преобладает над когнитивным, рациональным. Образ власти сложный, размытый, неконкретный (это

касается как образа реальной, так и идеальной политической власти), чаще всего это некое безличное, абстрактное образование, находящееся очень далеко от прочих людей, связанное с коррупцией, криминалом и теневыми структурами. Граждане опасаются, что власть может осуществлять определённые агрессивные действия по отношению к ним, тем более что власть (по мнению наших респондентов) отражает лишь её собственные интересы и очень отдалена от простых людей.

Однако, как было отмечено выше, исследование образа власти в соответствии с предложенной моделью позволило обнаружить ряд различий и противоречий в сознательном и бессознательном образе политической власти респондентов. Так, несмотря на то, что в целом образ размыт и можно говорить об отсутствии единого образа политической власти респондентов, бессознательно граждане в большей степени склонны к персонификации власти, к её мифологизации, тогда как для сознательного образа власти такая тенденция оказывается не характерной. В представлениях о власти фактически отсутствует её дифференциация на судебную, законодательную и исполнительную ветви. Для респондентов власть – это все, кто там, «наверху», некое эфемерное образование. Она не поддается сопоставлению с конституционно определенными процедурами: ведь решения принимаются «за кадром», т.е. респондентам далеко не всегда понятно, какие именно структуры и элементы властью наделены и какие действия они предпринимают. Также необходимо отметить, что в высказываниях респондентов власть предстаёт как прочная и достаточно устойчивая конструкция, однако бессознательный образ политической власти отражает её слабость и зыбкость. Сознательный образ политической власти отражает её динамичность, некоторую активность, в отличие от него для бессознательного образа характерны статичность и пассивность власти, но в любом случае власть преследует свои собственные цели и интересы.

Нам представляется, что сознательный образ власти более монолитен, так как он связан с патерналистской установкой, которая выражается в том, что респонденты ожидают от власти заботы, защиты, опеки, внимания, любви, интереса к их жизни, удовлетворения насущных потребностей, желают, чтобы она действовала в соответствии с законом, защищающим интересы народа, и обеспечивала его соблюдение со стороны граждан, что, в свою очередь, предполагает наличие у власти силы, активности, возможности влиять на жизнь страны и происходящие в ней события.

Подводя итог, в целом можно говорить о расщепленности, дисгармоничности, незрелости политического сознания, что выражается в противоречивости, размытости образа власти и несовпадении сознательного и бессознательного образа политической власти.

Литература

1. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М., 2001.
2. Доброхотов А.Л. Комментарий. Белый царь: Метафизика Власти в русской мысли: Хрестоматия / Сост. и коммент. А.Л. Доброхотова. М., 2001. 553 с.
3. Нестерова С.В. Отношения власти и населения. Проблемы презентации власти и ее восприятия гражданами // Психология восприятия власти / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М., 2002. С. 117–126.
4. Патернализм // Политическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 1999. Т. 2. С. 145.
5. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во МГУ, 1988.
6. Свенцицкий А.Л. Сила власти в зеркале социальной психологии // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В.Ю. Большакова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. С. 20–55.
7. Фоломеева Т.В., Бартенева О.М. Опыт применения проективной методики «Психологический рисунок» в исследовании восприятия социальных объектов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2000. № 2. С. 27–39.
8. Цветовой тест отношений. Тест А.Н. Лутошкина // Платонов Ю.П. Этническая психология. СПб.: Речь, 2001. С. 271–273.
9. Шестопаля Е.Б. Политическая психология. М., 2002.
10. Osgood Ch., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. Urbana, 1957.

CONSCIOUS AND UNCONSCIOUS COMPONENTS OF THE POLITICAL POWER IMAGE

N.S. Vershinina, E.A. Miritskaja, O.I. Muravjeva (Tomsk)

Summary. The results of empirical investigation aimed to reveal conscious and unconscious components of the image of political power in our country on the basis of evaluation, strength and content of the power image, its remoteness and dynamic behavior are presented in the article. The findings let us tell about split, disharmony and immaturity of the political sense, what is expressed in antipathy and fuzziness of the power image, convergence of its conscious and unconscious images.

Key words: conscious and unconscious images of the political power, personification, aim on paternalism.